

в находках в Коринфе и Болгарии. Основная масса браслетов (в том числе 62% византийских) относится как раз к X—XI вв., и хотя автор оговаривается, что ритм производства браслетов в Тмутаракани не зависел от внешних обстоятельств, все же полученные Шаповой цифры плохо согласуются с концепцией Плетневой о замирании связей Тмутаракани с империей в X—XI вв. И сама исследовательница стекла относит Византию первое место среди областей, связанных с торговлей с Тмутараканью «русского периода» (стр. 125).

Кстати, говоря о византино-таманских связях XI в., нельзя не вспомнить о греческом надгробии строителя Иоанникия, точно датированном 1078 г.² Это во всяком случае не свидетельство замирания связей.

Если вопрос о политической принадлежности Тмутаракани в XI в. не вызывает сомнений³, то безоговорочное признание города в XII в. половецким не кажется мне достаточно обоснованным. Ни Плетнева, ни кто-либо другой из авторов сборника не останавливается на гипотезе о византийском владычестве на Тамани в XII в. В пользу этой точки зрения, опирающейся на письменные источники, можно привести теперь и некоторый археологический материал. Я напомним, что именно на XII в. приходится основная масса фрагментов византийской половины посуды⁴; самое исчезновение кочевнической керамики в XII в. лучше согласуется с византийским, нежели с половецким, господством.

Впрочем, установление византийского господства над Тмутараканью (если оно было) вряд ли сопровождалось значительным упрочением экономических связей; во всяком случае бросается в глаза отсутствие на Тамани византийской монеты XII в.

Все эти сомнения и критические замечания ни в коей мере не имеют целью поколебать значение рецензируемого сборника. Сборник впервые дает возможность представить себе целостную историю Тмутаракани — отдельные белые пятна в этой истории вполне закономерны на данном этапе ее изучения. Я не говорю уже о множестве более частных интереснейших наблюдений, например выделение локальных особенностей материальной культуры разных районов Тмутаракани, что отражало этнические различия населения города (стр. 69); вывод о таманском происхождении подражаний милиарисиям Василия II (стр. 178); постановка вопроса о двух центрах производства ранней византийской поливной посуды (стр. 77).

А. К.

O. TEMKIN. BYZANTINE MEDICINE: TRADITION AND EMPIRICISM.

„Dumbarton Oaks Papers“, XVI, 1962, p. 95—115

История византийской медицины пока еще не написана, не выполнена и подготовительная — издательская и монографическая — работа: нет исследований, посвященных отдельным медикам. Не удивительно в этой связи, что историки этой науки в общих курсах обычно покидают византийскую медицину на самом раннем этапе ее развития¹. Тем большего внимания заслуживает очерк О. Темкина: несмотря на признанную самим автором неполноту² и известную хронологическую нечеткость в изложении (так, на стр. 114 он объединяет в одном абзаце медицинскую литературу V, XI и XIII вв.), перед нами попытка систематического изложения истории медицинских взглядов и лечебных учреждений в Византии, предпринятая человеком, использующим греческие и арабские источники, в том числе арабские рукописи Британского музея (стр. 103).

Темкин выделяет два периода в истории византийской медицины. Первый приходится на IV—середину VII в., второй простирается от середины VII в. до падения империи. Гранью, отделяющей эти два периода, Темкин считает захват арабами Александрии, важнейшего медицинского центра поздней Римской империи, и превращение

² Е. Ч. С к р ж и н с к а я. Греческая надпись из Тмуторокани. ВВ, XVIII, 1961, стр. 74 и сл.

³ См. последнюю работу: А. Л. Монгайт. О границах Тмутараканского княжества в XI в. Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 54 и сл.

⁴ Византийские изделия обнаружены и при раскопках поселения XI—XII вв. у хутора Казачий Ерик в дельте Дона (см. А. В. Г а д л о. Поселение XI—XII вв. в дельте Дона. КСИА, 99, 1964, стр. 40—45).

¹ См., например, Ф. Р. Б о р о д у л и н. История медицины. М., 1961, стр. 122 и сл.; М. П. М у л ь т а н о в с к и й. История медицины. М., 1961, где гл. 5 называется «Медицина в Византии и арабских халифатах» (sic!).

² Особенно досадный пропуск — отсутствие описания медицинского факультета в константинопольском Храме св. Апостолов XII в. См. об этом (в сопоставлении с другими сведениями о медицине XII в.) Е. Э. Л и п ш и ц. Византийская сатира: «Тимарийон». Предисловие. ВВ, VI, 1953, стр. 363 и сл.

Константинополя в средоточие лечебной практики. Александрийский период был временем не только сохранения античных традиций, но и эпохой значительных творческих сил (a period of considerable formative power); напротив, константинопольский период, время христианской медицины, — это эпоха, когда традиция скорее воспринималась, нежели создавалась (стр. 97).

Темкин затрагивает деятельность ряда ученых и практиков: Орибасия, компилятора Галена и других классиков (стр. 98 и сл.); язычника Якова Психреда, пользовавшегося колоссальной славой в Константинополе V в. (стр. 100); Феофила Протоспафария, деятельность которого обычно относят к VII в. и который еще пытается сочетать языческие идеи с христианством (стр. 110); монаха Мелетия, чьи сочинения пронизаны богословскими принципами (стр. 110 и сл.); писателя XI в. Симеона Сифа (стр. 108). Темкин касается организации лечебного дела в Константинополе, останавливаясь, разумеется, на знаменитой лечебнице при монастыре Пандократора (стр. 112)³ и на военно-медицинской службе по данным Анны Комниной (стр. 112 и сл.).

Однако эти отдельные характеристики, как мне кажется, вносят известные коррективы в те общие суждения о развитии византийской медицины, которые воплощены в предложенной Темкиным периодизации. Действительно, на стр. 114 автор утверждает, что византийская медицина достигла своей вершины в лице Иоанна Актуария, автора первой половины XIV в., отказавшегося от составления синопсисов и сокращений и обладавшего солидными познаниями. При этом Темкин добавляет: «Я колеблюсь, включить ли его в мой обзор. Он жил в ту пору, когда Запад создал ряд крупных фигур в области схоластической медицины и когда, возможно, влияние Запада следует уже принимать во внимание».

Итак, вопреки исходному постулату Темкина Иоанн Актуарий был творческой личностью, хотя автор и стремится связать новое в его творчестве с влиянием Запада. Как бы то ни было, его нельзя зачислить в ряды механических переписчиков и компиляторов.

То же самое относится и к жившему в конце XIII в. Николаю Мирепсу, составителю сводной книги рецептов, основанной на живой практике (в частности, на арабской). Репутация книги Мирепса оставалась высокой на Западе вплоть до XVII в.⁴ Не дает ли все это право выделять особый — поздний — период в истории византийской медицины?

Впрочем, известный подъем медицинских знаний можно наблюдать в Византии XI—XII вв. Темкин очень удачно использует данные «Тимариона», свидетельствующие о широкой осведомленности византийской интеллигенции в медицинских проблемах (стр. 115). К тому же времени относятся и больница при монастыре Пандократора, и медицинский факультет при храме св. Апоستолов. Прямая критика Симеона Сифа в адрес последователей Галена (стр. 108), пожалуй, также свидетельство в пользу живого, творческого развития медицины тех лет. Не только XIII—XV столетия, но и предшествующие два века коренным образом отличаются от периода, наступившего в VII в. и характеризующегося подчинением медицины богословию и превращением чуда в наилучшее лекарство.

Вызывает известные сомнения и тезис Темкина о творческом характере византийской медицины IV—VII вв. В противовес этому тезису автор постоянно говорит о компилятивности сборников той поры: Орибасия, Александра Траллского, Аэция Амидского, о рабской приверженности к Галену, «за которым следовали, но которому не пытались подражать» (стр. 101). Разделение физиологии на семь элементов (вместо шести в галеновской системе) и классификацию седьмого элемента — духов (πνεύματα) (стр. 104 и сл.) вряд ли можно считать очень значительным творческим шагом вперед, тем более что это положение дошло до нас лишь в пересказе арабских комментаторов (в «Вопросах» Хунаина ибн-Исхака) и вопрос о времени его появления в греческой науке остается открытым.

Но если тезис о творческой активности византийской медицины IV—VII вв. остается сомнительным или во всяком случае спорным, Темкин, видимо, прав, подчеркивая ее позднеантичный характер в эту пору: и сохранение античных традиций, вплоть до вскрытия (стр. 107), и статус публичного врача, получающего жалованье от города (стр. 100). Прав он и в том, что с VII в. наступает новый этап. Здесь мы опять оказываемся перед многострадной проблемой перелома VII столетия, и трудно удержаться, чтобы не связать эти изменения с тем упадком позднеантичного полиса, который, и по другим данным, приходится на VII век.

А. К.

³ Ни русское издание типикона Пандократора, ни русская литература об этой больнице Темкину, к сожалению, не известна. См. прежде всего А. Д и м т р и е в - с к и й. Толмá, т. I. Киев, 1905, стр. 656—702; П. В. Б е з о б р а з о в. Материалы для истории Византийской империи. ЖМНП, ч. 254, 1887, ноябрь, стр. 66—74.

⁴ См. К. К г и т б а с c h e r. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 615.